

Завораживающие
детективы
**ВИКТОРИИ
ПЛАТОВОЙ**

Читайте новую книгу Виктории Платовой:

Что скрывают красные маки

А также другие книги в серии:

Такси для ангела

Хрустальная ловушка

Смерть на кончике хвоста

Ритуал последней брачной ночи

Победный ветер, ясный день

Битвы божьих коровок

Корабль призраков

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Победный ветер,
ясный день**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*
Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.
ПЗ7 Победный ветер, ясный день / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-04-089609-7

Увидев ее первый раз, юный скаут Пашка онемел от восторга... Красавица-яхта с экзотическим названием «Такарабунэ» стояла в заброшенном эллинге. Мертвый человек сидел у подножия мачты и смотрел на Пашку широко открытыми глазами. Немой крик застрял в Пашкином горле... Это был Нео из его любимого фильма. Единственное, что отличало киношного Нео от настоящего, — дырка во лбу. Пока Пашка ждал милицию, он кое-что позаимствовал у покойника. Он понимал, что эта вещь — улика, но был не в силах расстаться с нею... Пашка смог все рассказать только Лене Шалимовой, человеку, который перевернул его детский неустроенный мир. Поделится самым сокровенным, не зная, что Лена была знакома с убитым. А тот оказался не кем иным, как знаменитостью мирового масштаба, солистом балетной труппы «Лиллаби» Романом Валевским...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089609-7

© Виктория Платова, текст, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Все события, происходящие в романе,
вымышлены, любое сходство с реально
существующими людьми — случайно.

Автор

Часть первая

СИРОККО

...Ну конечно же, он назывался совсем по-другому, этот ветер.

Он назывался совсем по-другому, и в нем не было никакого намека на брюхатое пряностями североафриканское побережье. И никаких запоздалых зимних воспоминаний о несвоевременно-летнем Монтенегро (в славянском забытии все еще именуемом Черногорией).

Но на север Африки, вкупе с приснопамятным Монтенегро, Паше и Виташе было ровным счетом наплевать. Все эти географические несуразности не шли ни в какое сравнение с Мартышкиным, в котором Паша и Виташа прожили всю свою сознательную жизнь. Невыносимо долгую, о-о, еще как невыносимо! Одиннадцать лет — это вам не шуточки. Одиннадцать лет — солидный возраст для мужчины. Особенно для мужчины, ушибленного давно умершим английским генералом Робертом Баден-Пауэллом, для краткости именуемым Би-Пи. К колониальным берегам Би-Пи Паша и Виташа прибились случайно, а всему виной оказалась книжонка, найденная на Пашином чердаке, с полуистлевшими ятями и замызганной временем обложкой: **«О разведке для мальчиков»**.

Именно из нее Паша и Виташа почерпнули сведения о бойскаутах. И загорелись желанием пополнить редкие, как зубы героев-полярников, скаутские ряды. В жертву этому (довольно эксцентричному для посконного Мартышкина) желанию были принесены курение, ругань матом и факультатив по анатомии

при женском отделении бани. А также мытье иномарок на соседней заправке — с твердой таксой тридцать рэ за машину. Но что значили жалкие тридцать рэ по сравнению с рубашками цвета хаки? А уж купить на них «четыре скаутских свойства» и вовсе не представлялось возможным. Храбрость, хитрость, сообразительность и бодрость — Би-Пи, восстань он из могилы, был бы доволен Пашей и Виташей. Или — почти доволен; с храбростью и бодростью у кандидатов в скауты все было нормалек, а вот хитрость и сообразительность слегка подволакивали ногу. Это выяснилось во время первого же рейда по тылам новорусского коттеджного мини-городка, отделенного от Мартышкина нижней дорогой — на Большую Ижору, Лебяжье и режимный Сосновый Бор. Из процветающей «частной собственности» Паша и Виташа вылетели с треском, вернее, были выведены за ухо угрюмым охранником. К манипуляциям с собственными ушами Пашка отнесся философски, чего нельзя было сказать о приунывшем Виташе: Виташу (в довесок ко всем неприятностям) цапнул за задницу ротвейлер охранника — такой же угрюмый, как и его хозяин.

Задница давала о себе знать еще добрых три часа — и все эти три часа Виташа потратил на гнусные сомнения в истинности скаутских идей. И не преминул напомнить приятелю о позавчерашнем провале расовой теории Би-Пи, заключающейся в двух незамысловатых тезисах: «нет христиан второго сорта» и «все люди — братья». Вооружившись этими тезисами, Паша и Виташа сунулись было к Ашоту, сыну не так давно осевшего в Мартышкине ювелира-армянина из Нагорного Карабаха. Но были неправильно поняты. Настолько неправильно, что едва унесли ноги от старших братьев Ашота — Севана и Тиграна. Кто мог знать, что у Севана и Тиграна имеются свои собственные тезисы: «валите отсюда по-скорому» и «за черного — ответишь»... В позавчерашней армянской резне Пашка потерял зуб, а Виташа приобрел синяк под глазом. А теперь еще и саднящая от собачьего укуса задница... Положительно, извилистая дорожка, проторенная не одним поколением голоногих бойскаутов, вела в тупик. Самый настоящий тупик, украшенный

навозной кучей, и больше ничего поблизости — даже самой завалящей дохлой вороны, а уж о такой удаче, как полуразложившийся еж, и говорить не приходится... Именно это и брякнул Виташа к исходу третьего часа.

И был тотчас же заклеямен как предатель.

Трус и слабак.

Это был явный перебор, но мудрый Пашка знал, что делает: взбрыкнувшая лошадка снова вернулась в стойло Би-Пи. С возмущением отвергнув обвинение в трусости. И — сквозь редкие слезы — согласившись попытать скаутского счастья еще раз.

И счастье привалило. Да еще какое!

Почившие в бозе вороны и ежи с ним и рядом не стояли.

А начинающие и тем не менее храбрые, хитрые, сообразительные и бодрые скауты Паша и Виташа — совершенно неожиданно для себя — обнаружили **труп**.

Уже потом, когда история с трупом стала достоянием общест­венности, Пашка пытался вспомнить, кому именно пришла в голову умопомрачительная идея выбрать для полевых изысканий лодочный кооператив «Селена». То ли он сам нашел, что одичавший кооператив безопаснее, чем злостное ИЖС с собаками и собачьими начальниками, то ли Виташу потянуло к большой воде — но факт оставался фактом: фортуна, осененная отеческой улыбкой Би-Пи, выкатила им труп на блюдце.

Нельзя сказать, что путь к этому блюдцу был особенно тернист: кооператив «Селена» охранялся из рук вон. Да и можно ли было считать охраной вусмерть пьяного работягу в сторожке, сломанный слагбаум при въезде и шелудивого пса при такой же шелудивой строительной технике? Паша и Виташа, сделав псу ручкой, безнаказанно проникли на территорию кооператива и с любопытством принялись изучать окрестности. «Селену» никоим образом нельзя было отнести к шедеврам архитектурной мысли, но юному разведчику здесь было где разгуляться: бетономешалки, сгинувшие в высокой траве, остовы грузовиков и скелеты легковушек, унылые краснокирпичные бараки, дышащие в затылок друг другу... Паша и Виташа насчитали десять таких бараков, и все десять — без всякого намека

на человеческое присутствие. Бараки пилились на мир пустыми глазницами окон, поигрывали скулами первых этажей, морщили узенькие лбы третьих — и...

И ничего интересного в них не было.

Оставался последний — одиннадцатый — барак.

Впрочем, под определение «барак» он не подпадал, хотя на первый взгляд ничем не отличался от десяти своих собратьев. Все дело было в начинке. А начинка — даже на взгляд дремучих Паши и Виташи — вплотную приближалась к стандартам проклятого ИЖС: затейливые фонари над входными дверями, затейливые жалюзи на окнах, затейливые спуски к самой воде — дом упирался фасадом в Залив.

И был обжитым. Во всяком случае — большая его часть.

Скауты-любители поняли это сразу. И воспряли духом.

Некоторое время они наблюдали за окнами, затем переключились на воротца — слишком высокие для гаражных. Вошедший в роль Пашка даже вытащил огрызок бинокля, больше похожий на недоделанную подзорную трубу.

Огрызок оказался кстати: во всяком случае, он резко сократил расстояние до дома.

— А теперь представь, что там засели враги нашей Родины! — От торжественности момента Пашка даже пустил петуха.

С усердием ковырявшийся в носу Виташа саркастически хмыкнул, из чего его оголтелый приятель немедленно сделал вывод, что до скаута Виташе расти и расти.

— И мы должны... — тем не менее продолжил он. И запнулся.

— Должны что?

— Ничего, — огрызнулся Пашка. — Бескрылый ты человек!

Преширяться Виташа не стал, а спустя несколько минут смиренно попросил у Пашки драгоценный окуляр.

— А гараж-то не закрыт, — заметил он после двух минут наблюдения.

— Какой гараж?

— Крайний. Ты разве не усек?

Пашка сплюнул от досады: лазейка во вражеское логово была найдена — и найдена не им, а простаком Виташей. Но признать поражение кандидат в разведчики не захотел.

— Еще как усек! Я просто тебя проверял.

— Интересно, какая там машина? — Виташа даже дыхание затаил: полуразложившемуся ежу понятно, что трехмесячное мытье машин оставило в его душе неизгладимый след.

— Да какая разница!..

— Спорим, что джиппера? «Гранд Чероки»?

Еще бы не «Гранд Чероки»! Именно на это немудреное имя откликнулась голубая Виташина мечта.

— Фигушки, — поддел любителя внедорожников Пашка. — Никакой не «Гранд Чероки», «фольк» занюханный, вот там что!

«Фольксвагены» Пашка терпеть не мог. На пресловутой заправке его кидали трижды, и трижды неплательщиками оказывались владельцы «Фольксвагенов». Последний, подмигнув лоху Пашке габаритными огнями, умчался как раз в сторону кооператива «Селена».

— Айда проверим, — предложил Виташа.

И Пашка согласился. Глупо было не согласиться, когда щель в гаражных воротах так и предлагала пролезть в нее. Она манила таинственной, глухой чернотой, она набивалась в друзья, она обещала самое настоящее приключение. К приключению вела дорожка, выложенная черными, неправильной формы, плитами. Плит было ровно четырнадцать, не больше и не меньше, и на тринадцатой Пашка дал себе слово — если в гараже окажется ненавистный «фольк», все его четыре ненавистные шины будут проткнуты.

...Но «фолька» в гараже не оказалось. Не оказалось и джипа. Но зато...

Зато в нем оказалась яхта!

Самая настоящая яхта на самом настоящем стапеле! А стапель, снабженный тремя парами крошечных колес, стоял на рельсах; очевидно, рельсы вели прямо к воде. Хорошо заметные здесь в молочной полутьме, они терялись снаружи — в густом разнотравье. Именно поэтому ни Паша, ни Виташа их не

заметили — иначе мелкая сколка из-за марки машины никогда бы не возникла.

Яхта откровенно скучала, да что там скучала — она сохла от тоски! Все ее грациозное, легкое тело было устремлено вперед, острый нос задрался вверх — в бессильной ярости. И только снасти чуть слышно и умиротворенно вибрировали: они умели ждать, они верили, что рано или поздно вернуться в родную стихию.

— Супер! — выдохнул впечатлительный Виташа, разом забыв о джипе «Гранд Чероки».

— Я понял. Это не гараж, это эллинг. Здесь везде — не гаражи, а эллинги.

— Эллинг? Что еще за эллинг?

— Место, где хранятся яхты. По типу самолетного ангара, — авторитетно пояснил Пашка. И Виташа посмотрел на него с плохо скрытым уважением: с таким же уважением сам Пашка посмотрел бы на Би-Пи, восстань он из могилы. — Может, того... Пощупаем?

— В смысле?..

— Залезем вовнутрь?

Виташа пожегился и недоверчиво шмыгнул носом, но Пашка отнес эти робкие, недостойные скаута телодвижения к разнице температур: несмотря на изнемогающий от жары июльский день, в эллинге было достаточно прохладно.

— Ну, что?

— А если хозяин объявится?... — моментально дала о себе знать Виташина укушенная задница.

— Хвост поджал, да? Ладно, ты как хочешь, а я пошел.

И Пашка решительно двинулся к яхте. Удивляясь этой своей, неожиданно возникшей решительности. И такому же неожиданно возникшему жгучему интересу. Несмотря на близость Мартышкина к воде, его уроженец, Павел Кирста-Косырев, был абсолютно сухопутным человеком. Стада катеров, лодок, шлюпок и прочих плавсредств, мирно пасущиеся в Заливе, оставляли его равнодушным. Так же, как и залетные паруса залетных регат. Но эта яхта...

Эта яхта притягивала его, как магнитом.

В ней было что-то — что-то, что заставило Пашкино сердце ушаченно забиться. Осторожно ступая (с пятки на носок, с пятки на носок, как учил великий Би-Пи), он приблизился к стапелю и перевел дыхание. Яхта не обманула его ожиданий, нет, вблизи она оказалась еще грациознее, но... Это была грациозность мертвого зверя. А прохлада, столь желанная в июльскую жару, обернулась могильным холодом!

Чрево эллинга скрывало «летучего голландца», вот оно что!

Искусно вырезанный дракон на носу облупился, краска на бортах пошла пузырями от сырости, и — в довершение ко всему — с яхты свешивался кусок рваной прокопченной ткани. Назвать его парусом не поворачивался язык.

Воображение, расцветшее в спертом воздухе эллинга махровым цветом, тотчас же дорисовало склизкую палубу, развороченные внутренности приборов, гнилые трапики — и Пашке моментально расхотелось исследовать яхту. Все было бы проще, не дыши ему в затылок чертов Виташа. Выказать слабость перед сопливым, изнеженным, вечно ноющим трусишкой? Все что угодно, только не это!

— Что это еще за ботва? — громко спросил подошедший Виташа. И звуки его глупого, тутого, как барабан, голоса расставили все на свои места: не боись, Павел Константинович, это лишь старое, заброшенное суденышко, только и всего!

— Ты о чем? — сразу же приободрился Пашка.

— Да о названии! Понапридумывают же!

Вот ведь черт! Увлечшись собственными страхами, Пашка как-то совсем выпустил из виду, что «летучий голландец» имеет имя. Да какое!

«Такарабунэ».

Все десять букв сверкали начищенной медью, они, казалось, существовали отдельно от яхты. Все десять новехоньких ухоженных букв. Как будто кто-то (уж не отсутствующий ли хозяин?) сначала придумал имя, а уж потом присобачил к нему все остальное, включая киль, снасти и даже облупленного дракона.

Имя — вот что было важно!

Странное, невиданное в окрестностях Мартышкина имя.

Оно сразу же понравилось Пашке — раскатистой серединой и неопределенным ласковым окончанием. Оно могло означать что угодно, и в этом «что угодно» была вся прелесть замысла. Во всяком случае — для никем не признанного скаута-стажера Павла Кирста-Косырева.

Такарабунэ — птица? Такарабунэ — ветер? Такарабунэ — теплое течение? Или наоборот — холодное?..

Такарабунэ — племя пигмеев? Такарабунэ — тот самый дракон, угнездившийся в носу? Догадки — самые сладостные, самые мальчишеские, самые неверные — окружили Пашку. Он мог бы простоять целый день, пытаясь понять, что же это такое — **такарабунэ**. Но Виташа вовсе не собирался задерживаться здесь надолго. Бескрылый человек — он и есть бескрылый!

— Так мы лезем или нет? — поторопил Пашку он. — Или так и будем здесь торчать?

— Лезем! — Пашка решительно потрянул всклокоченной шевелюрой и уцепился за свисавший с борта конец веревки: сначала глазами, а затем и руками.

Но «летучий голландец» с чудным именем решил проявить характер: веревка оказалась гнилой и легко отделилась от яхты. Не удержав равновесия, Пашка свалился наземь вместе с обрывком расплетенной пеньки. А торчащий из кармана бинокль больно ударил его по боку.

Жалкое, унижительное для скаута падение не осталось незамеченным — злодей Виташа противно захихикал. Хихиканье доносилось откуда-то сверху: пока Пашка выяснял отношения с пенькой и биноклем, Виташа успел забраться на яхту. Интересно, каким образом?

— Что ты копаешься?.. Здесь же лестница веревочная, ты ее не усек, что ли?

— Еще как усек! Я просто тебя прове... — Дальше можно не продолжать, ярость все равно запоздала: Виташа успел исчезнуть на палубе, злодей!

..На корме и вправду оказалась веревочная лестница. И выглядела она вполне надежно. И к тому же уже была испытана

Виташей. Но подниматься Пашка не спешил. Пусть первооткрыватели поторопятся, а он уж как-нибудь в сторонке постоит. Не больно-то нужно, будь ты хоть «Такарабунэ», хоть кто! И все же, все же...

Пашка даже скрипнул зубами от жалости к себе: он сам виноват в том, что по мертвой птице, по мертвому ветру скользят теперь не его, а Виташины пятки.

Равнодушные пятки, которые даже не задумываются о том, что значит — Такарабунэ!

— Ну, что там? — воззвал Пашка покровительственным голосом.

Ответа не последовало. И вообще, на яхте было подозрительно тихо. Ни шороха, ни звука шагов, ни обычного Виташиного посапывания.

— Ты где?!

И снова — никакого ответа.

По спине мальчика поползли мурашки. Не такой уж ты храбрый, Павел Константинович, каким хочешь казаться. И почему ты решил, что «такарабунэ» — это птица? Или — ветер? Или — ничем себя не запятнанное племя пигмеев? Быть может, «такарабунэ» — это ловушка! Для дурачков, которые беспечно позабыли о «летучих голландцах»! Для дурачков по имени Паша и Виташа!

— Эй! — снова крикнул Пашка. И не услышал своего голоса.

Почему же он все еще здесь, в проклятом эллинге, у проклятой яхты? Потому что скаут никогда не бросает друга в беде, вот почему!

Не такой уж Виташа друг, если разобраться, так, летний приятель от летней скуки, к тому же — нытик, каких мало. И бедоносец, как утверждает Пашкина бабка. Но скаут никогда! Не бросает! В беде! Даже бедоносца и нытика!

Упиваясь так неожиданно прорезавшимся благородством, Пашка подтянул к себе лестницу. И почти тотчас же с сипом и воем ему на голову рухнул Виташа. Только чудом Пашка удержался на ногах, а Виташа...